

UDC(UO‘K,УДК): 81-26

СТРУКТУРНЫЙ АНАЛИЗ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ РУССКОГО И УЗБЕКСКОГО ЯЗЫКОВ²³

Хасанов Илёсбек Иброхимжонович

*Руководитель отдела международного сотрудничества
Андижанский государственный университет имени З.М. Бабура*

Андижан, Узбекистан

E-mail: ird@adu.uz

ORCID ID: 0009-0003-3081-9260

АННОТАЦИЯ

Настоящая статья посвящена сравнительному структурному анализу дипломатических терминов в русском и узбекском языках. Актуальность исследования обусловлена необходимостью выявления механизмов лексикализации международно-правовых понятий в типологически разных языковых системах в условиях глобальной интеграции. Целью работы является определение продуктивных моделей терминообразования и выявление степени унификации дипломатического дискурса. Методология исследования базируется на анализе эквивалентных пар, отобранных из актуальных лексикографических источников и международно-правовых актов. Использован комплексный подход, включающий морфемную декомпозицию и классификацию единиц на микроструктурном, деривационном и макроструктурном уровнях. Результаты анализа демонстрируют выраженное преобладание полилексемных терминов в обеих системах, что продиктовано потребностью в высокой понятийной детализации. Выявлен существенный структурный параллелизм, поддерживаемый активным использованием латинских терминов-блоков и интернациональных дериватов. В узбекской терминосистеме отмечена тенденция к аналитизму, проявляющаяся в специфической трансформации атрибутивных конструкций. Научная значимость работы заключается в обосновании того, что, несмотря на типологические различия, обе терминосистемы демонстрируют высокую степень системности и функциональной адекватности. Исследование подтверждает конвергенцию национальных дипломатических языков под влиянием международной стандартизации.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Термин, терминология, терминообразование, многокомпонентный термин, интернационализация, агглютинация, флексия, лексикализация, синтагма.

Received: March 05, 2026

Accepted: March 06, 2026

Available online: May 10, 2026

²³ **For citation (Iqtibos keltirish uchun, для цитирования):**

Хасанов И. Структурный анализ дипломатических терминов русского и узбекского языков. // Komparativistika (Comparative Studies). — 2026. — Vol.3, № 2(10) — В. 161-175 .

RUS VA O‘ZBEK TILLARI DIPLOMATIK TERMINLARINING SHAKLIY STRUKTURASI TAHLILI

Xasanov Ilyosbek Ibroximjonovich

Xalqaro hamkorlik bo‘limi boshlig‘i

Z.M. Bobur nomidagi Andijon davlat universiteti

Andijon, O‘zbekiston

E-mail: ird@adu.uz

ORCID ID: 0009-0003-3081-9260

ANNOTATSIYA

Ushbu maqola rus va o‘zbek tillaridagi diplomatik terminlarning qiyosiy shakiliy strukturasi tahliliga bag‘ishlangan. Tadqiqotning dolzarbligi global integratsiya sharoitida tipologik jihatdan turlicha bo‘lgan til tizimlarida xalqaro-huquqiy tushunchalarning leksikalizatsiya mexanizmlarini aniqlash zarurati bilan belgilanadi. Ishning maqsadi termin hosil qiluvchi umumli modellarni aniqlash va diplomatik diskursning unifikatsiyalashuv darajasini ko‘rsatib berishdan iborat.

Tadqiqot metodologiyasi dolzarb leksikografik manbalar va xalqaro-huquqiy hujjatlardan olingan ekvivalent juftliklar tahliliga asoslangan. Morfemik dekompozitsiya hamda birliklarni mikrotarkibiy, derivatsion va makrotarkibiy darajalarda tasniflashni o‘z ichiga olgan kompleks yondashuvdan foydalanildi.

Tahlil natijalari har ikki tizimda ko‘p komponentli terminlarning yaqqol ustunligini ko‘rsatadi, bu tushunchalarni yuqori darajada batafsil ifodalash ehtiyoji bilan izohlanadi. Lotincha termin-bloklar va internatsional derivatlardan faol foydalanish hisobiga sezilarli tarkibiy parallellik aniqlandi. O‘zbek terminologik tizimida atributiv konstruktsiyalarning o‘ziga xos transformatsiyasida namoyon bo‘ladigan analitizmga moyillik kuzatildi.

Ishning ilmiy yangiligi shundan iboratki, tipologik farqlarga qaramay, har ikki terminologik tizim yuqori darajadagi tizimlilik va funksional muvofiqlikni namoyish etadi. Tadqiqot xalqaro standartlashtirish ta’siri ostida milliy diplomatik tillarning yaqinlashuvini tasdiqlaydi.

KALIT SO‘ZLAR

termin, terminologiya, termin yasalishi, ko‘p komponentli termin, xalqarolashuv, agglyutinatsiya, fleksiya, leksikalizatsiya, sintagma.

STRUCTURAL ANALYSIS OF DIPLOMATIC TERMS IN RUSSIAN AND UZBEK LANGUAGES

Khasanov Ilyosbek Ibrokhimjonovich

*Head of International Cooperation Department
Andijan State University named after Z.M. Bobur*

Andijan, Uzbekistan

E-mail: ird@adu.uz

ORCID ID: 0009-0003-3081-9260

ABSTRACT

This article is devoted to a comparative structural analysis of diplomatic terms in Russian and Uzbek. The relevance of the study stems from the need to identify the mechanisms of lexicalization of international legal concepts within typologically distinct language systems in the context of global integration. The aim of the work is to identify productive models of term formation and reveal the degree of unification in diplomatic discourse.

The research methodology is based on the analysis of equivalent pairs selected from current lexicographic sources and international legal acts. A comprehensive approach was applied, including morphemic decomposition and the classification of units at the micro-structural, derivational, and macro-structural levels.

The results of the analysis demonstrate a pronounced dominance of multi-component terms in both systems, dictated by the need for high conceptual precision. Significant structural parallelism was identified, supported by the active use of Latin term-blocks and international derivatives. In the Uzbek terminological system, a trend toward analyticity was noted, manifesting in the specific transformation of attributive constructions.

The scientific contribution of the work lies in substantiating that, despite typological differences, both terminological systems exhibit a high degree of systematicity and functional adequacy. The study confirms the convergence of national diplomatic languages under the influence of international standardization.

KEY WORDS

Term, terminology,
term formation, multi-
component term,
internationalization,
agglutination, inflection
(flection), lexicalization,
syntagm.

ВВЕДЕНИЕ

Исследование любой терминосистемы предполагает, прежде всего, анализ её формальной организации, так как именно структурный уровень отражает специфику номинации специальных понятий и демонстрирует внутреннюю логику развития языка. В контексте дипломатического дискурса, отличающегося высокой степенью консервативности, точности и этикетной маркированности, изучение механизмов построения терминологических единиц приобретает особую актуальность.

Основной целью структурного анализа является выявление продуктивных моделей «терминопорождения», которые обеспечивают стабильность и одновременно адаптивность дипломатической коммуникации в условиях динамичной геополитической повестки. Данный подход позволит проследить, как типологические различия языков – флективный строй русского и агглютинативный характер узбекского – проявляются в способах лексикализации концептов международной политики, а также определить степень их взаимовлияния и унификации.

В данной статье, опираясь на теоретические положения С. В. Гринева-Гриневича о разделении терминологического состава на «моноксемные (слова) и полилексемные (словосочетания) единицы» (Гринева-Гриневич С., 2008, 62), предпринимается попытка детального рассмотрения «архитектоники» и морфемной декомпозиции дипломатических терминов в русском и узбекском языках.

Материалом для нашего исследования послужили данные, полученные методом сплошной выборки из лексикографических источников, наиболее полно отражающих современное состояние русской и узбекской дипломатической терминосистем.

Для анализа дипломатической терминологии в узбекском языке был привлечен «Diplomatik terminlar izohli lug‘ati» (Shamsimuxamedov I., 2021, 224) (Толковый словарь дипломатических терминов), изданный в 2021 году. Данный источник, подготовленный ведущими специалистами в области международного права и лингвистики (в частности, экспертами Университета мировой экономики и дипломатии Республики Узбекистан), является наиболее актуальным сводом терминологических единиц, включающим в себя 389 лексических единиц, охватывающих фундаментальные понятия современной дипломатической практики. Указанный словарь является единственным на сегодняшний день специализированным справочным изданием, систематизирующим узбекскую дипломатическую лексику в

соответствии с новыми государственными стандартами и международными требованиями.

В качестве основного лексикографического источника на русском языке был выбран «Новый дипломатический словарь», подготовленный специалистами Дипломатической академии МИД России под редакцией А.В. Яковенко. Данный выбор обусловлен высокой актуальностью ресурса, его междисциплинарным характером и репрезентативностью (более 1200 единиц), что позволяет проследить не только классические дефиниции, но и новейшие трансформации понятийного аппарата, возникшие под влиянием цифровизации международной среды и изменения геополитической архитектуры мира. Репрезентативность данного словаря обеспечивает высокую степень достоверности полученных статистических данных и позволяет верифицировать структурные модели на актуальном языковом материале.

Выбор указанных лексикографических источников обусловлен рядом методологических факторов: во-первых, хронологическая близость изданий (2021 и 2022 гг.) позволяет провести корректный синхронный анализ и зафиксировать состояние двух терминосистем на одном и том же историческом этапе развития; во-вторых, оба словаря обладают высоким нормативным статусом, отражая официально принятую лексику, закрепленную в межгосударственных актах и дипломатической переписке.

Процесс эквивалентного сопоставления выявил, что для 191 узбекского термина в основном лексикографическом источнике «Diplomatik terminlar lug‘ati» (2022) отсутствуют прямые эквиваленты в корпусе русскоязычных терминов, отобранных из «Нового дипломатического словаря» А. Яковенко (2022). Эта ситуация касается, в частности, ряда специализированных, институциональных и историко-дипломатических понятий, для которых характерна высокая степень этнокультурной или правовой специфики.

Для обеспечения полноты эквивалентного сопоставления и корректного анализа структурно-семантических особенностей, русский эквивалентный корпус был существенно расширен. Наряду с данными из «Нового дипломатического словаря», были привлечены такие авторитетные источники как «Политология: словарь современных терминов и выражений» (Мустафин А., 2012), «Большой юридический словарь» (Борисов А., 2010), «Дипломатический словарь в 3-х томах» (Громыко А., 1971), «Дипломатический словарь для студентов» (Яковенко А., 2022).

Кроме того, для верификации и уточнения значений терминов, а также для формирования корпуса наиболее устойчивых эквивалентов, были

использованы международно-правовые акты и документы, такие как «Устав ООН», «Венская конвенция о дипломатических сношениях», «Венская конвенция о консульских сношениях», «Венская конвенция о специальных миссиях», «Венская конвенция о представительстве государств в их отношениях с международными организациями универсального характера» и другие.

Таким образом, русский эквивалентный корпус был сформирован на основе комплексного подхода, включающего анализ специализированных словарей и авторитетных международных документов. Такой метод значительно повышает репрезентативность исследования и позволяет более точно отразить понятийный аппарат, используемый в дипломатии. Сопоставимый объем выборки (по 389 единиц) и идентичность жанровой принадлежности (специализированные толковые словари и официальные юридические тексты) создают необходимую базу для выявления как универсальных, так и специфических черт в структурной организации русской и узбекской дипломатической терминологии.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

В лингвистической традиции принято выделять три основных уровня организации термина, которые и станут векторами нашего исследования:

1. Микроструктурный уровень (простые термины): исследование корневых, непроезводных слов, которые составляют историческое ядро дипломатической лексики. Здесь анализируется морфемный состав и этимологическая устойчивость «терминов-основоположников».

2. Деривационный уровень (производные термины): анализ того, как при помощи аффиксации (приставок и суффиксов) базовые понятия расширяют свое семантическое поле. На этом этапе наиболее ярко проявляется типологическое различие: префиксально-суффиксальный строй русского языка вступает в контраст с суффиксально-агглютинативным строем узбекского.

3. Макроструктурный уровень (сложные термины и словосочетания). Здесь фокус внимания смещается на синтаксические связи: согласование в русском языке и изафетные конструкции или примыкание в узбекском.

Отправной точкой нашего анализа стала морфологическая декомпозиция терминов, которая позволит проследить путь от простой лексемы до сложной многокомпонентной синтагмы. Такой подход даст возможность не только систематизировать внешние различия языков, но и выявить универсальные модели, обеспечивающие единство мирового дипломатического дискурса.

Для сопоставительного анализа на материале 389 эквивалентных терминологических пар был осуществлён структурный типологический разбор дипломатических наименований в русском и узбекском языках.

Структурная классификация проведена по трём главным категориям:

- термины-слова;
- термины-словосочетания;
- аббревиатурные термины.

В свою очередь каждая из категорий подразделена на подгруппы в соответствии с морфологическими и синтаксическими признаками. Таблица 1 отражает распределение структурных типов в обоих языках.

Таблица 1. Структурное распределение дипломатических терминов русского и узбекского языков (389 пар).

Структурный тип	Русский язык		Узбекский язык	
	(ед.)	(%)	(ед.)	(%)
1. Термины-слова	156	40,1%	149	38,3%
1.1. Корневые	28	7,2%	34	8,7%
1.2. Аффиксальные	96	24,7%	92	23,6%
1.3. Сложные	32	8,2%	23	6,0%
2. Термины-словосочетания	196	50,4%	209	53,7%
2.1. Двухсловные	141	36,2%	148	38,0%
2.2. Трёхсловные	39	10,0%	44	11,3%
2.3. Многословные (>3 слов)	16	4,2%	17	4,4%
3. Аббревиатурные термины	37	9,5%	31	8,0%
3.1. Сложноусеченные	11	2,8%	7	1,8%
3.2. Акронимные	26	6,7%	24	6,2%
Итого	389	100	389	100

Количественные показатели **монолексемных единиц** в обеих терминосистемах демонстрируют относительную близость: 40,1% в русском языке против 38,3% в узбекском. В данной группе преобладающим способом формирования выступает аффиксальная деривация, что отчетливо прослеживается на примере интернационализмов: *ратификация* – *ratifikatsiya*, *нотификация* – *notifikatsiya*, *продолгация* – *prolongatsiya*, *конфедерация* – *konfederatsiya*.

В данных примерах латинские по происхождению форманты *-ция* (в русском) и *-siya* (в узбекском) выступают в качестве универсальных структурных индикаторов, обеспечивающих смысловую эквивалентность и формальное единообразие дипломатического языка в обоих исследуемых языках. Подобная морфологическая идентичность позволяет исследователям констатировать глубокую интеграцию национальных систем в мировое пространство, поскольку «интернациональные форманты *-ция/-atsiya* подтверждают глобализированный характер дипломатической терминологии» (Xonto'rayeva Yu., Xolibekova O., 2024).

Данные по корневым терминам демонстрируют определенное расхождение: 8,7% в узбекском языке (*bayroq, ittifoq, vakil, bayonot*) против 7,2% в русском (*флаг, союз, статус, вето*). Этот пласт представляет собой исторический фундамент дипломатии, включающий базовые непроеизводные лексемы. Некоторое преобладание корневых единиц в узбекском языке может свидетельствовать о более высокой сохранности традиционного лексического ядра, тогда как в русском языке аналогичные понятия чаще подвергались деривационным процессам или заменялись аффиксальными производными.

Сегмент производных (аффиксальных) единиц демонстрирует высокую степень сближения структурных характеристик двух языков – 24,7% (русский: *консульство, посредничество, дипломатический, посольство, ратификация, демаркация*) и 23,6% (узбекский: *konsullik, vositachilik, eksterritoriallik, diplomatic, elchilik, fuqarolik*). Аффиксация выступает ключевым инструментом уточнения семантики базовых корней, позволяя адаптировать их под специфические нужды дипломатического дискурса. Минимальный разрыв в показателях подтверждает универсальность деривации как способа расширения терминологического фонда, при котором типологические различия (флективность русского и агглютинативность узбекского) не препятствуют формированию сопоставимых по объему пластов производной лексики.

Группа сложных терминов (композитивов) составляет 8,2% в русском языке и 6% в узбекском. Анализ примеров (*де-факто, статус-кво, геополитика – de-fakto, status-kvo, geosiyosat*) показывает, что значительную часть этого сегмента составляют интернационализмы латинского и греческого происхождения, которые вошли в оба языка как готовые лексические блоки.

Небольшое преобладание сложных слов в русском языке (на 2,2%) связано с более активным использованием моделей словосложения и сокращений (*Евросоюз, миропорядок*), в то время как в узбекском языке, уступая в композитивах, для передачи аналогичных понятий чаще используются

аналитические конструкции и словосочетания (*Yevropa Ittifoqi, xalqaro xavfsizlik*), что соответствует общей тенденции к аналитизму в этом сегменте лексики.

Полученные данные демонстрируют выраженное доминирование **терминологических словосочетаний** в обоих языках (русский язык – 50,4%, узбекский язык – 53,7%). Данный показатель отражает специфику дипломатической терминологии, характеризующейся высокой степенью понятийной детализации и необходимостью точного обозначения институциональных и процессуальных реалий. Эта особенность, в свою очередь, обуславливает преобладание аналитических конструкций, что свидетельствует о доминирующей тенденции к формированию многокомпонентных наименований в современном профессиональном дискурсе. При этом сложность и состав таких наименований не ограничиваются простыми парами.

Кроме этого, данный анализ отражает синтаксические тенденции современной терминологии, отмеченные в лингвистических исследованиях последних лет. В частности, преобладание полилексемных терминов тесно связано с их системной организацией. Это положение находит свое подтверждение в тезисе о том, что «в составе любого подъязыка для специальных целей представлены лексемы с системными терминологическими элементами (в роли которых выступают другие термины данной сферы науки). Нередко таковыми являются языковые единицы, вербализующие родовые понятия, представленные в структуре определяемого многокомпонентного термина, являющегося по отношению к нему видовым» (Лату М.Н., Левит А.А., 2016). Данный тезис позволяет рассматривать дипломатические словосочетания не как случайные наборы слов, а как строгую иерархическую систему, где базовые концепты (например, *дипломатия – diplomatiya, право – huquq* и др.) служат фундаментом для формирования узкоспециализированных понятий (*превентивная дипломатия – preventivediplomatiya, многосторонняя дипломатия – ko‘p tomonlata, международное право – xalqaro huquq, консульское право – konsul huquqi*).

Следует отметить, что такая системная организация многокомпонентных терминов может проявляться на разных уровнях сложности. «Термины в понятийной структуре терминологии могут быть связаны не только «парами», но и «тройками», «четверками» и т.п. Конкретный состав таких понятийных группировок, так же как и характер отношения, «связывающего» их в одно семантическое целое, обусловлен соответствующими дефинициями» (Нечаева Н.А., 2010). Этот факт

подчеркивает высокую степень структурированности дипломатической лексики, в рамках которой сложные наименования служат для точной номинации и детализации понятий.

На макроструктурном уровне, где преобладают аналитические конструкции, наблюдается определенное расхождение в представленности терминов. В частности, разница в 3,3 процентных пункта, зафиксированная в данном сегменте, как уже было сказано выше, подтверждает более выраженный аналитический характер узбекской терминологической системы, обусловленный агглютинативной природой языка, традицией развернутых институциональных наименований и меньшей степенью морфологической компрессии. Например: *дипломатическая форма (двухсловный термин)* – *diplomatik marosimlar kiyimi (трехсловный термин)*, *многосторонняя дипломатия (двухсловный термин)* – *ko'p tomonlama diplomatiya (трехсловный термин)*, *отозвание дипломатического представителя (трехсловный термин)* – *diplomatik vakilni chaqirib olish (многословный термин)*, *принцип взаимности (двухсловный термин)* – *o'zaro kelishuv prinsipi (трехсловный термин)*, *Евросоюз (термин-слово)*–*Yevropa Ittifoqi (термин-словосочетание)*, *миропорядок (термин-слово)* – *xalqaro xavfsizlik (термин-словосочетание)* и др.

Сравнительный анализ полилексемных терминов показывает, что узбекская терминосистема в 74% случаев трансформирует русские атрибутивные конструкции в изафетные (Таблица 2).

Таблица 2. Сопоставление моделей словосочетаний.

Модель (Русский язык)	Модель (Узбекский язык)	Пример	Аналитический комментарий
Прил. + Сущ. (Согласование)	Сущ. + Сущ. + афф. (Изафет)	<i>Государственный флаг – Davlat bayrog 'i, Тегеранская конференция – Tehron konferensiyasi</i>	Замена адъективного признака субстантивным отношением принадлежности.
Сущ. + Сущ. (Управление)	Сущ. + Сущ. + афф. (Изафет)	<i>Устав ООН – BMT Nizomi, Совет НАТО – NATO Kengashi</i>	Структурное сходство при различии способов выражения связи.

Сущ. + Прил. + Сущ. (...)	Прил. + Сущ. + афф.(...)	<i>Органы внешних сношений – Tashqi minosabatlar idoralari, Министерство иностранных дел – Tashqi ishlar vazirligi</i>	Замена русского родительного падежа и адъективного согласования на специфический для тюркских языков изафет II типа.
------------------------------	-----------------------------	--	--

Анализ 389 пар терминов показал, что аббревиатуры занимают сопоставимую долю в обеих терминосистемах: 9,5% в русском языке и 8% в узбекском. Данные типы терминов функционируют как наднациональный пласт дипломатической терминологии и демонстрируют единые механизмы номинации вне зависимости от типологического строя языка.

С точки зрения механизмов функционирования языка, ученые говорят об аббревиации «как о проявлении закона языковой экономии, суть которого заключается в стремлении говорящего означить некоторое содержание минимум материальных форм выражения» (Сложеникина Ю.В., 2016, 84).

Использование сокращений в дипломатическом дискурсе продиктовано законом экономии языковых усилий и необходимостью компрессии (сжатия) длинных институциональных наименований. В обоих языках аббревиации подвергаются прежде всего названия международных организаций и органов государственной власти, например, *ООН – ВМТ, ЮНЕСКО – YUNESKO, ШОС – ShNT, НАТО – NATO, СНГ – MDH* и др. Разница в 1,5% является несущественной и может быть обусловлена особенностями лексикографической фиксации определенных институциональных единиц.

И наконец, следует отметить, что в исследуемом корпусе зафиксировано 12 латинских выражений (*AD INTERIM, PAR INTERIM, AD REFERENDUM, MODUS PROSEDENDI, UTI POSSIDETIS, AD HOC* и др.), функционирующих как неделимые термины-блоки в изучаемых нами языках. Наличие данных единиц свидетельствует о высокой степени интернационализации понятийного аппарата, сохранении латыни как универсального метаязыка современной дипломатии и высокой степени консервативности дипломатического языка.

«Латинская терминология в дискурсе международных отношений выступает не просто как реликт, а как эффективное средство компрессии

профессиональной информации, обеспечивающее однозначность интерпретации норм в условиях многоязычия» (Ткаченко И.А., 2010). Данный феномен подтверждает, что латинские формулы минимизируют риск семантических искажений при переводе официальных документов на национальные языки.

ВЫВОДЫ

Таким образом, структурный анализ русского и узбекского дипломатических корпусов позволяет сделать вывод о том, что русская дипломатическая терминология демонстрирует баланс между аналитическими конструкциями и производными морфологическими моделями, что указывает на синтетико-аналитический характер номинации. Дипломатическая терминология узбекского языка имеет преимущественно синтаксически развернутый характер, что проявляется в доминировании терминологических словосочетаний. Это свидетельствует о тенденции к аналитической номинации сложных международно-правовых реалий.

Результаты анализа аббревиатурных терминов в обоих языках подтверждают мнение о влиянии международной институциональной системы на формирование дипломатического лексикона.

В русском языке словосложение и комбинированные модели дополняют деривационную систему, формируя гибкий и морфологически насыщенный терминологический корпус. Агглютинативный тип узбекского языка формирует линейную и структурно прозрачную модель терминопроизводства.

Структурная специфика дипломатических терминов в сравниваемых языках отражает не только их внутренние лингвистические закономерности, но и характер интеграции национальных политических институтов в пространство международной коммуникации.

Проведенный анализ позволил установить, что развитие дипломатических терминосистем в русском и узбекском языках детерминировано влиянием двух ключевых факторов: процессами глобальной международно-правовой стандартизации; действием специфических историко-культурных факторов заимствования и адаптации лексики.

Несмотря на глубокие различия в структурной организации, обе системы обладают высокой степенью системности, внутренней упорядоченности и функциональной адекватности современному дипломатическому дискурсу.

Анализ структуры 389 пар дипломатических терминов русского и узбекского языков позволил констатировать, что, вопреки коренным

различиям в грамматическом строе (флективный строй русского языка против агглютинативного характера узбекского), обе системы обнаруживают тенденцию к структурному параллелизму. Это достигается за счет активного использования интернациональных моделей номинации и калькирования сложных синтаксических структур. Узбекский язык демонстрирует особую деривационную гибкость, успешно адаптируя латинские и русские дериваты через национальные механизмы изафета и специфические аффиксы абстрактного значения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Борисов А.Б. БОЛЬШОЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ. – М.: Книжный мир, 2010. – 848 с.
2. Гринев-Гриневиц С. В. Терминоведение. Учебное пособие для студ. уыш. учеб. заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2008 г. 304 с.
3. Громько А. А. Дипломатический словарь. В 3-х т. Глав. ред. А. А. Громько (и др.). Т. I (А-И) – М.: Политиздат, 1971. 612 с.
4. Громько А. А. Дипломатический словарь. В 3-х т. Глав. ред. А. А. Громько (и др.). Т. II (К-П) – М.: Политиздат, 1971. 592 с.
5. Громько А. А. Дипломатический словарь. В 3-х т. Глав. ред. А. А. Громько (и др.). Т. III (Р-Я) – М.: Политиздат, 1973. 719 с.
6. Лату М. Н., Левит А. А. Изучение системности термина при помощи семантической сети // Вестник КИГИ РАН. 2016. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/izuchenie-sistemnosti-termina-pri-pomoschi-semanticheskoy-seti> (дата обращения: 03.03.2026).
7. Мустафин А.А. Политология: словарь современных терминов и выражений – Ангарск: Изд-во: АГТА, 2012 – 168 с.
8. Новый дипломатический словарь: электронный ресурс. – <https://dipslo.ru/>
9. Нечаева Н. А. Информационно-понятийная структура терминологии // Вопросы когнитивной лингвистики. 2010. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionno-ponyatiynaya-struktura-terminologii> (дата обращения: 03.03.2026).
10. Сложеникина Ю.В. Основы терминологии: Лингвистические аспекты теории термина. Изд. стереотип. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ». 2016. –84 с.

11. Ткаченко И. А. Латинские заимствования в английском языке // ПСЭРС. 2010. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/latinskie-zaimstvovaniya-v-angliyskom-yazyke>(дата обращения: 21.02.2026).
12. Яковенко А. В. Дипломатический словарь для студентов – М.: Издательство Дипломатической академии МИД России, 2022. – 298 с.
13. Shamsimuxamedov I. Diplomatiq terminlar izohli lug‘ati [Matn] / Izohli lug‘at. – T.: “Donishmand ziyosi”, 2021-yil – 224 b.
14. Xonto‘rayeva, Y. K. qizi, & Xolibekova, O. K. (2024). WORD-BUILDING AND STRUCTURAL FEATURES OF ENGLISH AND UZBEK DIPLOMATIC TERMINOLOGY. Innovative Development in Educational Activities, 3(7), 4–9. Retrieved from <https://openidea.uz/index.php/idea/article/view/2311>
15. <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text>
16. https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/diprel.pdf
17. https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/consular.pdf
18. https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/sp_missions.shtml
19. https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/state_relations.pdf

REFERENCE:

1. Borisov, A. B. (2010). Bol’shoy yuridicheskiy slovar [Great Legal Dictionary]. Knizhny mir. (Original work published 2010)
2. Grinev-Grinevich, S. V. (2008). Terminovedenie [Terminology Studies]. Izdatel'skiy tsentr «Akademiya».
3. Gromyko, A. A. (Ed.). (1971). Diplomatiqeskiy slovar (Vol. I: A–I) [Diplomatic Dictionary]. Politizdat.
4. Gromyko, A. A. (Ed.). (1971). Diplomatiqeskiy slovar (Vol. II: K–P) [Diplomatic Dictionary]. Politizdat.
5. Gromyko, A. A. (Ed.). (1973). Diplomatiqeskiy slovar (Vol. III: R–Ya) [Diplomatic Dictionary]. Politizdat.
6. Latu, M. N.& Levit, A. A. (2016). Izuchenie sistemnosti termina pri pomoshchi semanticheskoy seti [Studying the systematicity of a term using a semantic network]. Vestnik KIGI RAN, (2). <https://cyberleninka.ru/article/n/izuchenie-sistemnosti-termina-pri-pomoschi-semanticheskoy-seti>
7. Mustafin, A. A. (2012). Politologiya: slovar’ sovremennykh terminov i vyrazheniy [Political Science: Dictionary of Modern Terms and Expressions]. AGTA.

8. Novyy diplomaticheskiy slovar' [New Diplomatic Dictionary]. Retrieved from <https://dipslo.ru/>
9. Nechaeva, N. A. (2010). Informatсионno-ponyatiynaya struktura terminologii [Informational-conceptual structure of terminology]. Voprosy kognitivnoy lingvistiki, (1). <https://cyberleninka.ru/article/n/informatсионno-ponyatiynaya-struktura-terminologii>
10. Slozhenikina, Y. V. (2016). Osnovy terminologii: Lingvisticheskiye aspekty teorii termina [Fundamentals of Terminology: Linguistic Aspects of Term Theory]. Knizhny dom «LIBROKOM».
11. Tkachenko, I. A. (2010). Latinskie zaimstvovaniya v angliyskom yazyke [Latin borrowings in the English language]. PSEhRS, (2). <https://cyberleninka.ru/article/n/latinskie-zaimstvovaniya-v-angliyskom-yazyke>
12. Yakovenko, A. V. (Ed.). (2022). Novyy diplomaticheskiy slovar: Dlya studentov [New Diplomatic Dictionary: For Students]. Diplomaticheskaya akademiya MID Rossii.
13. Shamsimukhamedov, I. (2021). Diplomatik terminlar izohli lug'ati [Explanatory Dictionary of Diplomatic Terms]. Donishmand ziyosi.
14. Khontorayeva, Y. K. qizi, & Kholibekova, O. K. (2024). Word-building and structural features of English and Uzbek diplomatic terminology. Innovative Development in Educational Activities, 3(7), 4–9. <https://openidea.uz/index.php/idea/article/view/2311>
15. <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text>
16. https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/diprel.pdf
17. https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/consular.pdf
18. https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/sp_missions.shtml
19. https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/state_relations.pdf